

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 34.01

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157

EDN LBJLWT

Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика

Воденко К.В., Баклыкова И.Р.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

vodenkok@mail.ru, Irina211078@yandex.ru

Аннотация. Формирование правовой реальности является сложным и многогранным процессом, обусловленным множеством факторов, среди которых особое место занимают традиционные ценности. Данные ценности, представляющие собой устоявшиеся в обществе моральные, религиозные и этические принципы, в значительной степени определяют содержание правовых норм и институтов, а также влияют на процессы правоприменения и правового сознания. Авторы рассматривают роль традиционных ценностей в формировании и функционировании правовой реальности, анализируют культурно-антропологические аспекты традиционных ценностей, их влияние на правовые нормы и институты. Авторы приходят к выводу, что трудности, возникающие при толковании и внедрении в практику традиционных ценностей, создают значительные барьеры для создания всеобщих стандартов справедливости, способных удовлетворить большинство людей как в пределах одной нации, так и на глобальном уровне.

Ключевые слова: традиционные ценности, правовая культура, нормы права, культурный код, модернизация

Для цитирования: Воденко К.В., Баклыкова И.Р. 2026. Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 148–157. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157 EDN: LBJLWT

Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics

Konstantin V. Vodenko, Irina R. Baklykova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)

132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428, Russian Federation

vodenkok@mail.ru, Irina211078@yandex.ru

Abstract. The formation of legal reality is a complex and multifaceted process driven by many factors, among which traditional values occupy a special place. These values, which represent well-established moral, religious and ethical principles in society, largely determine the content of legal norms and institutions, as well as influence the processes of law enforcement and legal consciousness. The authors consider the role of traditional values in the formation and functioning of legal reality, analyze the

cultural and anthropological aspects of traditional values, their impact on legal norms and institutions. The study shows that the difficulties encountered in interpreting and implementing traditional values create significant barriers to creating universal standards of justice that can satisfy the majority of people both within one nation and at the global level.

Keywords: traditional values, legal culture, legal norms, cultural code, modernization

For citation: Vodenko K.V., Baklykova I.R. 2026. Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 148–157 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157 EDN LBJLWTW

Введение

Традиционные ценности в их связи с правовой реальностью не могут рассматриваться в качестве своего рода полностью неизменных сущностей, которые не могут трансформироваться под воздействием актуального социокультурного контекста. Таким образом, не стоит отрицать, что в результате развития социума возможна даже переоценка ценностей, способная, однако, привести и к консервативному повороту [Денисова, Сериков, 2017]. Тем не менее даже самые ярые консерваторы могут в других вопросах быть очень прогрессивными, в особенности, когда речь идет, например, об использовании инновационных технологий. Поэтому, рассуждая о традиционных ценностях, необходимо учитывать принцип селективности, значимый для любой культурной традиции.

Таким образом, на практике оказывается, что традиционные ценности могут трансформироваться в результате сдвигов, происходящих в контексте глобальных социокультурных изменений. Очевидно, что человек, являясь существом творческим, способен преобразовать вокруг себя реальность, в том числе и сами ценности. В данной связи само творчество необходимым образом предполагает наличие исходных как традиционных, так и инновационных компонентов культуры. Более того, даже художник-новатор в творчестве («модернист», «авангардист») может в повседневной жизни напротив руководствоваться исключительно консервативными установками и действовать, исходя из традиционных ценностей [Костина, 2010].

Оказывается, что традиционные ценности носят биоэтический характер и зачастую связаны напрямую с процессами жизни современного человека, которой придается специфический статус, особенно в отличие от жизней других существ, не наделенных разумом. Таким образом, сама ценность человеческой жизни пользуется приоритетом в обсуждении основных (моральных) проблем биоэтики. Поэтому следует говорить о том, что именно традиционные ценности предохраняют социум от морально-этического разложения. При этом необходимо учитывать, что изменения традиционных ценностей происходит как правило достаточно медленно, в особенности если сравнивать их с ценностями, обусловленными экономическими успехами, развитием науки и техники, а также выгодным реформированием институтов и структуры социума. Вместе с тем, риски, связанные с креном цивилизации в направлении техногенного развития и усилением симптомов глобального экологического кризиса, вновь актуализировали дискуссию о роли традиционных ценностей в политике и практиках управления [Черкашин, 2021]. В данной связи особую значимость также приобретают дискуссии, в которых выявляются противоречия между традиционными ценностями и нормами современного права.

Право и справедливость в фокусе традиционных ценностей

Стоит учитывать, что на практике осуществление справедливости как, впрочем, и само его понимание, на протяжении истории как всего человечества, так и отдельных культур, могло существенно отличаться от официально принятых юридических норм.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 34.01

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157

EDN LBJLW

Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика

Воденко К.В., Баклыкова И.Р.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

vodenkok@mail.ru, Irina211078@yandex.ru

Аннотация. Формирование правовой реальности является сложным и многогранным процессом, обусловленным множеством факторов, среди которых особое место занимают традиционные ценности. Данные ценности, представляющие собой устоявшиеся в обществе моральные, религиозные и этические принципы, в значительной степени определяют содержание правовых норм и институтов, а также влияют на процессы правоприменения и правового сознания. Авторы рассматривают роль традиционных ценностей в формировании и функционировании правовой реальности, анализируют культурно-антропологические аспекты традиционных ценностей, их влияние на правовые нормы и институты. Авторы приходят к выводу, что трудности, возникающие при толковании и внедрении в практику традиционных ценностей, создают значительные барьеры для создания всеобщих стандартов справедливости, способных удовлетворить большинство людей как в пределах одной нации, так и на глобальном уровне.

Ключевые слова: традиционные ценности, правовая культура, нормы права, культурный код, модернизация

Для цитирования: Воденко К.В., Баклыкова И.Р. 2026. Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 148–157. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157 EDN: LBJLW

Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics

Konstantin V. Vodenko, Irina R. Baklykova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)

132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428, Russian Federation

vodenkok@mail.ru, Irina211078@yandex.ru

Abstract. The formation of legal reality is a complex and multifaceted process driven by many factors, among which traditional values occupy a special place. These values, which represent well-established moral, religious and ethical principles in society, largely determine the content of legal norms and institutions, as well as influence the processes of law enforcement and legal consciousness. The authors consider the role of traditional values in the formation and functioning of legal reality, analyze the

cultural and anthropological aspects of traditional values, their impact on legal norms and institutions. The study shows that the difficulties encountered in interpreting and implementing traditional values create significant barriers to creating universal standards of justice that can satisfy the majority of people both within one nation and at the global level.

Keywords: traditional values, legal culture, legal norms, cultural code, modernization

For citation: Vodenko K.V., Baklykova I.R. 2026. Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 148–157 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157 EDN LBJLWTW

Введение

Традиционные ценности в их связи с правовой реальностью не могут рассматриваться в качестве своего рода полностью неизменных сущностей, которые не могут трансформироваться под воздействием актуального социокультурного контекста. Таким образом, не стоит отрицать, что в результате развития социума возможна даже переоценка ценностей, способная, однако, привести и к консервативному повороту [Денисова, Сериков, 2017]. Тем не менее даже самые ярые консерваторы могут в других вопросах быть очень прогрессивными, в особенности, когда речь идет, например, об использовании инновационных технологий. Поэтому, рассуждая о традиционных ценностях, необходимо учитывать принцип селективности, значимый для любой культурной традиции.

Таким образом, на практике оказывается, что традиционные ценности могут трансформироваться в результате сдвигов, происходящих в контексте глобальных социокультурных изменений. Очевидно, что человек, являясь существом творческим, способен преобразовать вокруг себя реальность, в том числе и сами ценности. В данной связи само творчество необходимым образом предполагает наличие исходных как традиционных, так и инновационных компонентов культуры. Более того, даже художник-новатор в творчестве («модернист», «авангардист») может в повседневной жизни напротив руководствоваться исключительно консервативными установками и действовать, исходя из традиционных ценностей [Костина, 2010].

Оказывается, что традиционные ценности носят биоэтический характер и зачастую связаны напрямую с процессами жизни современного человека, которой придается специфический статус, особенно в отличие от жизней других существ, не наделенных разумом. Таким образом, сама ценность человеческой жизни пользуется приоритетом в обсуждении основных (моральных) проблем биоэтики. Поэтому следует говорить о том, что именно традиционные ценности предохраняют социум от морально-этического разложения. При этом необходимо учитывать, что изменения традиционных ценностей происходит как правило достаточно медленно, в особенности если сравнивать их с ценностями, обусловленными экономическими успехами, развитием науки и техники, а также выгодным реформированием институтов и структуры социума. Вместе с тем, риски, связанные с креном цивилизации в направлении техногенного развития и усилением симптомов глобального экологического кризиса, вновь актуализировали дискуссию о роли традиционных ценностей в политике и практиках управления [Черкашин, 2021]. В данной связи особую значимость также приобретают дискуссии, в которых выявляются противоречия между традиционными ценностями и нормами современного права.

Право и справедливость в фокусе традиционных ценностей

Стоит учитывать, что на практике осуществление справедливости как, впрочем, и само его понимание, на протяжении истории как всего человечества, так и отдельных культур, могло существенно отличаться от официально принятых юридических норм.

К тому же требования представителей власти и господствующего класса далеко не всегда соответствуют пониманию простых граждан (или подданных) о справедливости [Борщевский, 2023]. Например, в Российской империи периода до начала Великих реформ крепостное право вряд ли признавалось справедливым явлением, причем даже в высших сословиях, несмотря на свой официально признанный юридический статус.

Тем не менее общий культурный уровень в сочетании с бытовой этикой зачастую позволяют сглаживать противоречия, возникающие между пониманием справедливости и формальным правом, в том числе при помощи принципов религиозной морали. Вместе с тем, кризис религии в качестве социально-правового института последних лет негативно отразился на способности использовать религиозные нормы и правила в целях сглаживания противоречий между правом и справедливостью. Сложившаяся ситуация во многом связана и с отрицанием традиционных ценностей, которые зачастую были фундированы набором религиозных установок и обоснований.

Правовая культура также пребывает в довольно сложных отношениях с государством, которое в принципе контролирует систему официального права, но не саму справедливость. Тем не менее, даже государство не во всех случаях следует нормам и установкам, изложенным в письменных законах, но эксплуатирует в своих (часто вполне оправданных) интересах неформальные подходы, характерные для той или иной правовой культуры. В принципе государство также прибегает к институтам неформального контроля за гражданами, которые далеко не всегда афишируются. В данной связи известный отечественный философ В.В. Бибихин писал о том, что «охраняя всей своей силой право и, казалось бы, диктуя такое право, какое ему удобно, государство само опирается на силу права, причем не только законодательно закрепленного, но – это очень важно заметить – большей частью, возможно, на силу именно неписанного, неуставного права. При революционной смене государства снижается до нуля роль писанного права (старое полностью подлежит замене, новое еще не упрочилось или непонятно) и основным становится неписанное право, причем вовсе не так, что неписанное право записывается; оно скорее наоборот уходит в темноту. Всякое восстание против писанного права закрепляет статус неписанного» [Бибихин, 2005, с. 7]. На практике оказывается, что и сама правовая культура хранит в себе нормы неписанного права, которые отражают базисные представления народа о справедливости.

Традиционные ценности во многом играют ключевую роль в формировании «культурного кода» цивилизации, а зачастую также определяют облик национальной культуры страны. При этом «культурный код» той или иной страны не в последнюю очередь связан с ее религиозным прошлым и правовыми традициями, выражающими общее представление людей о справедливости. Тем не менее даже в секуляризованном (современном) социуме религия продолжает оказывать влияние на процессы социокультурной регуляции внутри как собственно сообщества верующих, так и других сообществ. В данной связи стоит отметить, что отдельные культуры могут намного легче усваивать не только самые разнообразные технологические инновации, но и этические нормы, которые являются достаточно новыми для их правовой системы. Так, например, ряд наций смогли за относительно короткий отрезок исторического времени добиться впечатляющих результатов в развитии собственной экономики, науки и техники. Причем подобного рода прорыв был возможен в результате главным образом гармоничного сочетания традиционных ценностей и различного рода инновационных (импортных) продуктов и технологий, причем как правило иностранного происхождения.

Вместе с тем гармонизация правовых отношений между различными культурами и их представителями входит в список приоритетных задач современного светского государства, в то же время способного демонстрировать дистанцию и объективность в решении вопросов и проблем межэтнического взаимодействия [Кожевников, Данилова, 2019]. К тому же и многие межкультурные конфликты, тем более происходящие между

К тому же требования представителей власти и господствующего класса далеко не всегда соответствуют пониманию простых граждан (или подданных) о справедливости [Борщевский, 2023]. Например, в Российской империи периода до начала Великих реформ крепостное право вряд ли признавалось справедливым явлением, причем даже в высших сословиях, несмотря на свой официально признанный юридический статус.

Тем не менее общий культурный уровень в сочетании с бытовой этикой зачастую позволяют сглаживать противоречия, возникающие между пониманием справедливости и формальным правом, в том числе при помощи принципов религиозной морали. Вместе с тем, кризис религии в качестве социально-правового института последних лет негативно отразился на способности использовать религиозные нормы и правила в целях сглаживания противоречий между правом и справедливостью. Сложившаяся ситуация во многом связана и с отрицанием традиционных ценностей, которые зачастую были фундированы набором религиозных установок и обоснований.

Правовая культура также пребывает в довольно сложных отношениях с государством, которое в принципе контролирует систему официального права, но не саму справедливость. Тем не менее, даже государство не во всех случаях следует нормам и установкам, изложенным в письменных законах, но эксплуатирует в своих (часто вполне оправданных) интересах неформальные подходы, характерные для той или иной правовой культуры. В принципе государство также прибегает к институтам неформального контроля за гражданами, которые далеко не всегда афишируются. В данной связи известный отечественный философ В.В. Бибихин писал о том, что «охраняя всей своей силой право и, казалось бы, диктуя такое право, какое ему удобно, государство само опирается на силу права, причем не только законодательно закрепленного, но – это очень важно заметить – большей частью, возможно, на силу именно неписанного, неуставного права. При революционной смене государства снижается до нуля роль писанного права (старое полностью подлежит замене, новое еще не упрочилось или непонятно) и основным становится неписанное право, причем вовсе не так, что неписанное право записывается; оно скорее наоборот уходит в темноту. Всякое восстание против писанного права закрепляет статус неписанного» [Бибихин, 2005, с. 7]. На практике оказывается, что и сама правовая культура хранит в себе нормы неписанного права, которые отражают базисные представления народа о справедливости.

Традиционные ценности во многом играют ключевую роль в формировании «культурного кода» цивилизации, а зачастую также определяют облик национальной культуры страны. При этом «культурный код» той или иной страны не в последнюю очередь связан с ее религиозным прошлым и правовыми традициями, выражающими общее представление людей о справедливости. Тем не менее даже в секуляризованном (современном) социуме религия продолжает оказывать влияние на процессы социокультурной регуляции внутри как собственно сообщества верующих, так и других сообществ. В данной связи стоит отметить, что отдельные культуры могут намного легче усваивать не только самые разнообразные технологические инновации, но и этические нормы, которые являются достаточно новыми для их правовой системы. Так, например, ряд наций смогли за относительно короткий отрезок исторического времени добиться впечатляющих результатов в развитии собственной экономики, науки и техники. Причем подобного рода прорыв был возможен в результате главным образом гармоничного сочетания традиционных ценностей и различного рода инновационных (импортных) продуктов и технологий, причем как правило иностранного происхождения.

Вместе с тем гармонизация правовых отношений между различными культурами и их представителями входит в список приоритетных задач современного светского государства, в то же время способного демонстрировать дистанцию и объективность в решении вопросов и проблем межэтнического взаимодействия [Кожевников, Данилова, 2019]. К тому же и многие межкультурные конфликты, тем более происходящие между

гражданами одной страны, могут вполне иметь искусственное (а порой и внешнее) происхождение. Поэтому правовые нормы, как и само признанное право, должно пониматься в качестве главной ценности современного государства. Однако в решении подобных проблем зачастую не хватает решимости самого государства, которое не стремится брать сложившуюся ситуацию под непосредственный контроль, особенно прибегая к силовым методам разрешения конфликтов. Иногда и вовсе проблемы в правовой сфере могут целиком списываться на воздействие со стороны иностранных государств, которое несомненно существует, но при этом не отменяет внутренние накопившиеся проблемы и противоречия, вызревающие внутри социума в течение многих лет. Несмотря на то, что существует набор традиционных ценностей, которые могут считаться универсальными и в принципе нормативными для всех людей, стоит учитывать и особенности (оценки и ценности), зафиксированные на ранних этапах формирования «культурного кода» [Костина, 2006].

Внимание к собственному прошлому и неукошительное следование традициям может быть далеко не всегда эффективной стратегией развития страны, что становится особенно очевидным на историческом этапе необходимой технологической модернизации. Поэтому не просто сохранение традиций, но и их возрождение, может выступать даже компонентом модернизации и нести в себе дополнительные культурные риски для стабильности общества. В данной связи стоит учитывать зависимость уровня насилия в стране от состояния правовой культуры и исполнения законов, призванных охранять неприкосновенность жизни, здоровья и имущества гражданина.

Узнаваемое отношение значительной части населения к формальному и неформальному праву может сохраняться в народе в течение многих поколений, причем несмотря на восприятие форм технологической или даже политической модернизации. К тому же динамика культуры показывает, что жители крупных городов (и в первую очередь мегаполисов), в отличие от населения сельской местности, могут в большей степени ориентироваться на нормы официального права. Однако, в не совсем благополучных районах крупных мегаполисов, причем зачастую, где компактно селятся мигранты (выходцы из других стран, часто из сельских районов), возрастает роль регуляции подобных сообществ именно на основе неформального права и способов контроля. Вместе с тем, несмотря на внутреннюю «строгость», в принципе любая культура способна интегрировать в свой состав самые разнообразные культурные элементы, которые правда должны пройти соответствующую селекцию, должны быть отфильтрованы [Сафонов, Орлов, 2017].

Традиционные ценности могут быть относительно «пластичными», когда речь заходит о выгодах материально-экономического характера, а также в тех случаях, когда сообщество желает сохранять или культивировать собственную закрытость от государства и проникновение официальных органов извне. Поэтому правовую культуру того или иного сообщества достаточно трудно истолковать в терминах почти исключительно линейного развития и последовательной модернизации.

Динамика традиционных ценностей в контексте вызовов и рисков мультикультурализма

«Мультикультурность», обнаруживаемая внутри того или иного общества, как правило связана с доминирующей в нем этничности (системы этнических связей) и часто определяется цивилизационным выбором народа. В данной связи также стоит учитывать верность сделанному в далеком прошлом, выбору, который, однако, не всегда может быть сохранен в настоящем, по крайней мере в своем полном объеме. Тем не менее, правовая

культура современных стран базируется на светских нормах и образцах гражданского поведения, которым обязаны следовать признанные члены сообщества, то есть законопослушные граждане, разделяющие сходные ценности. При этом светская в своей основе гражданская культура должна оставаться основополагающим ориентиром для правоохранительной деятельности государства.

В древности окружающая среда и основные способы добывания пищи и других ресурсов могли оказать существенное влияние на формирование правовых обычаев того или иного племени, которые затем могли утверждаться в качестве универсальных принципов нравственности и справедливости. Крупнейший русский философ, а главное – сторонник культурно-цивилизационного подхода – Н.Я. Данилевский акцентировал внимание, что «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [Данилевский, 2018, с. 94]. Данное русским мыслителем определение прогресса в свою очередь касается и традиционных ценностей, которые могут различаться на протяжении многих периодов истории.

Таким образом, изменения, происходящие в структуре традиционных ценностей, определяются развитием целых народов или отдельных этнических групп, которые зачастую обладают своим собственным (уникальным) опытом. Фактически, например, даже классический либерализм как система культурных ценностей был тесно связан с опытом развития в первую очередь «англосаксонских» народов и процессом религиозной Реформации. В данной связи интересно, что правовая культура англичан (шире британцев) стала образцом для глобальной финансово-экономической системы. Сюда же можно отнести и вклад протестантской этики в процесс формирования основных принципов либеральной правовой культуры [Лапицкий, 2002].

Проблема распространения мультикультурализма, особенно в его так называемом «леволиберальном» варианте, способна приводить к значительному росту антисистемных настроений и установок внутри закрытых сообществ, которые представлены в основном различными «меньшинствами». При этом правительство и официальные власти могут и вовсе перестать заботиться об интеграции отдельных групп «меньшинств» в правовое поле страны. Так, например, современные исследователи полагают, что понятие «“мультикультурное” общество следует понимать уже не столько как сосуществование различных этносов и конфессий в единых пространственных рамках – это уже вторичные признаки мультикультурности – сколько культурно-символическую разновременность социальных пластов внутри общества. В этом смысле, мультикультурное общество неизбежно становится и мультиморальным» [Согомонов, 2004, с. 268]. В обществе, развивающемся по сходной траектории, внутри сегментированных сообществ может быть зафиксирована собственная мораль, которая повлияет на восприятие норм официального права.

Следует предполагать, что традиционные ценности могут признаваться в качестве таковых среди основного населения страны, но далеко не всегда будут поддерживаться представителями элит, в особенности стремящимися к космополитизму. В данной связи А.В. Бугалин, например, считал, что «“обычный” человек чувствует фальшивость этой псевдоальтернативы мира контркультур, “свободного” секса, терпимости к безобразию под видом плюрализма в сфере искусства и т.п. И он совершенно оправданно не идет на поддержку этого псевдопротеста (в лучшем случае отдавая ему в молодости дань как некой моде). Он чувствует не-снятость отчуждения в этих формах, замещающих содержательный протест формальной игрой в инакость, причем преимущественно внешнюю, в инакость там и тогда, где и когда она не мешает глобальной гегемонии рынка и капитала и даже может быть ей поглощена и превращена в очередной модный “тренд”» [Бугалин, 2014, с. 18]. Таким образом, внимание к традиционным ценностям и реальное стремление к приобретению последних может стать последовательной стратегией в

решении своих экзистенциальных проблем, которые зачастую возникают в результате потери аутентичности и связаны с отчуждением от культурных корней.

На этом фоне (распространения леволиберальной идеологии) особые риски можно обнаружить в пропаганде ценностей, которая направлена против семьи и брака (в их традиционном понимании как союза мужчины и женщины) [Летова, 2024]. В данной связи, правда, стоит отметить, что отечественные философы марксистского направления в отличие от большинства своих западных коллег выступают за сохранение традиционных ценностей в сфере семьи и брака, тем самым сохраняя консервативную ориентацию. В России, правда, пропаганда нетрадиционных ценностей, направленных на разрушение семьи, защищена на уровне официального права, что в свою очередь также подтверждает пристальное внимание власти к проблеме демографического кризиса в стране.

Зачастую действия различного рода активистов направлены на разрушение традиционной культуры и ценностей, которые ее скрепляют, считая последние продуктом буржуазного социума и последних веков бурного развития капитализма. Вместе с тем очевидно, что многие традиционные ценности существовали еще задолго до появления капитализма и так называемой буржуазной культуры. В рассматриваемой связи А.В. Бугалин отмечает, что «в этой погоне за инакостью, за внешним, формальным отрицанием и деконструкцией всего, за внешним отрицанием всех форм капиталистического мира иные из левых начинают убивать те культурные основы, на которых паразитируют рынок и капитал, но которые от этого не теряют своей гуманистической значимости» [Бугалин, 2014, с. 18]. К институтам подобного рода можно вполне отнести институт семьи, который даже при наличии нуклеарной структуры может считаться все же традиционной формой брака.

Тем не менее, под «буржуазным» типом культуры изначально понимался способ организации культурного взаимодействия внутри городских сословий, которые в отличие от многих крепостных крестьян имели правовой статус людей свободных и находились в других отношениях со знатью. К тому же взаимодействие между буржуазией и знатью в период Средневековья зачастую носило коммерческий и реально договорной характер. Вместе с тем, вооруженные конфликты между буржуазией и аристократией, названные буржуазными революциями, фактически привели к разрушению феодализма.

Таким образом, изначально под буржуазной культурой понималась общая культура средних (относительно благополучных) городских сословий, не входящих в состав знати, священников и крестьян. В настоящее время сам термин «буржуазный» уже не отражает в полной мере современных реалий в сфере культуры, политики и тем более права, и используется как своего рода пропагандистский штамп, призванный заклеить политических противников не очень лестным эпитетом [Грей, 2003]. В свою очередь это касается и рассуждений о своего рода «буржуазных» ценностях, которые зачастую с порога рассматриваются как меркантильные установки и крайне потребительские суждения.

Вместе с тем понимание традиционных ценностей применительно к современному состоянию развития глобальной культуры может достигнуть отчетливости, когда под традиционными ценностями понимается главным образом сохранение за человеком границ собственного пола. Таким образом, традиционные ценности стоят на страже цельности личности современного человека, ее свободы и автономности в отношении внешнего окружения. В данной связи сторонники традиционных ценностей пытаются сохранить за человеком следующее определение пола в качестве фундаментальной природной реальности, которую нельзя разрушать в результате нарушения психического здоровья или своеобразного настроения, моды или культуры, навязываемой элитами.

Столкновение различных культур может быть обусловлено несовпадением ценностей или разной интерпретацией последних, что не отменяет факта зависимости той или иной культуры от идентичности их носителей и их системы восприятия

действительности. В последнее время, однако, межкультурные проблемы в средствах массовой информации изображаются как фактически неразрешимые противоречия, что не соответствует действительности. Скорее всего сложившаяся ситуация свидетельствует о недостаточной профилактике экстремизма на ранних стадиях его возникновения и социализации потенциальных экстремистов. В данной связи, например, Ш. Шварц отмечал: «Культуры, конечно, не являются полностью согласованными. Субгруппы внутри обществ исповедуют конфликтующие ценности. Доминирующая культурная ориентация меняется в ответ на изменение позиций власти между этими субгруппами. Но это изменение медленное. Адаптация обществ к эпидемиям, технологическому развитию, росту благосостояния, контакту с другими культурами, войнам и другим экзогенным факторам ведет к изменениям в ценностных установках культуры» [Шварц, 2008, с. 39]. Вместе с тем, в условиях доминирования леволиберальной и мультикультуралистской (в идеологическом смысле) повестки мнение «большинства» может и вовсе игнорироваться, а то и объявляться «токсичным».

Солидарность в плане единства ценностей на практике может оказаться намного важнее внешних признаков общей идентичности, которые и вовсе могут быть проигнорированы в случае возникновения конфликтной ситуации. Поэтому законопослушный гражданин, в первую очередь принимающий ценности сообщества, в которое желает интегрироваться, не обязательно должен в совершенстве владеть языком местного населения. Другое дело, что проявление лояльности может рассматриваться как дальнейшее изучение языка данного сообщества. Однако, языковые различия при соответствующей настройке и влиянии могут приводить к эскалации целого ряда межэтнических конфликтов, которые не стоит недооценивать [Hutchinson, 2005]. Тем не менее, с объективной точки зрения культурные границы как правило выстраиваются именно с учетом лингвистических границ, влияющих и на понимание правовых реалий. В данной связи под языком понимается в первую очередь язык в культурном плане, когда, например, люди одного статуса легко понимают друг друга, и наоборот.

Повышенное обсуждение проблематики, связанной с мультикультурализмом и проблемой «меньшинств», происходящее особенно в медиа, приводит к усилению идентичности самых разнообразных «меньшинств», которые ранее вовсе не относили себя к группе, нуждающейся в дополнительной защите или даже «привилегиях». Таким образом, в цифровую эпоху медиа играют ключевую роль в конструировании самих культурно-политических идентичностей, акцентируя внимание на различных особенностях, преувеличивая реально существующие культурные различия.

Заключение

Общая культура предлагает общие паттерны взаимодействия и способствует комфортной коммуникации между представителями самых разных народов. Ясно, почему именно общие ценности, а не одна только языковая общность, способны сформировать солидарный социум с высокой степенью внутренней интеграции входящих в него компонентов. Традиционные ценности во многом способствуют формированию сходных установок и образцов поведения, которые зачастую совпадают с основным вектором государственного управления страной, правительство которой стремится найти собственный аутентичный путь развития.

Тем не менее, представления о разнообразии культур, фундированные соответствующим типом внутренней политики, способны привести к этнической мобилизации, причем в среде относительно недавних граждан страны. Основным интегратором в данной связи выступает именно правовая культура, в рамках которой возможна правовая социализация граждан, осуществляемая не насильственными

средствами. В рассматриваемой нами связи стоит учитывать, что получение гражданства не обязательно приводит к формированию гражданской идентичности, тем более такой, которая становится более «сильной», чем идентичность этническая.

Необходимость сохранения традиционных ценностей в структуре правовой культуры может быть обоснована экзистенциальным запросом человека на поддержание собственной идентичности и важности круга близких людей, способных данную идентичность всячески поддерживать, оказывая индивиду помощь. В последние годы так называемая массовая культура не может полностью удовлетворить потребности человека в духовном плане, оставаясь в основном на уровне довольно вульгарных потребительских стандартов. В данной связи традиционные ценности напротив придают социуму своего рода духовное измерение, делая его одновременно более солидарным, что особенно важно в контексте внешних идеологических вызовов.

Подводя итог, в статье делается основной вывод о том, что проблемы, возникающие в процессе интерпретации и практической институционализации традиционных ценностей, выступают серьезным препятствием на пути разработки универсальных критериев справедливости, которые могут быть приемлемы для большинства жителей как отдельной страны, так и всего мира. В целом можно согласиться с мнением, что мультикультурному обществу будет довольно сложно достичь внутренней солидарности, причем не только между прогрессистами и традиционалистами, но и между самими традиционалистами, имеющими собственные представления о том, как традиционные ценности могут применяться в рамках современной правовой системы.

Список литературы

- Бибихин В.В. 2005. Введение в философию права. М., ИФ РАН, 345 с.
- Борщевский Г.А. 2023. Традиционные российские ценности: институциональный анализ. *Полития*. 4(111): 62–93.
- Бузгалин А.В. 2014. По ту сторону мультикультурализма. Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму. *Свободная мысль*, 5: 5–20.
- Грей Дж. 2003. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., Праксис, 366 с.
- Данилевский Н.Я. 2018. Россия и Европа. М., Алгоритм, 453 с.
- Денисова Г.С., Сериков А.В. 2017. Формирование российской гражданственности современной молодежи: о возможности синтеза российской идентичности, патриотизма и гражданской автономии. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 6: 73–82.
- Кожевников Н.Н., Данилова В.С. 2019. Гармонизация глобализации на основе предельных динамических и сетевых равновесий. *Век глобализации*, 1(29): 47–54.
- Костина А.В. 2010. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 144 с.
- Костина А.В. 2006. Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире. *Проблемы филологии и культурологи*, 3: 128–139.
- Лапицкий М. 2002. Деятельный без принуждения. (Трудовая этика в разных измерениях). М., Новый век, 231 с.
- Летова Н.В. 2024. Государственная защита традиционных семейных ценностей: проблемы и особенности. *Право и практика*, 2: 168–173.
- Сафонов А.Л., Орлов А.Д. 2017. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. СПб., Литео, 336 с.
- Согомонов А.Ю. 2004. Культурная асинхронность и «вывихнутое время» (постановка проблемы «мультиморальности» современного общества). *Россия реформирующаяся*, 4: 262–272.
- Черкашин М.Д. 2021. Виртуальная реальность как феномен культуры: история и современность. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*, 3(40): 33–37.
- Шварц Ш. 2008. Культурные ценностные ориентации: природа и следствие национальных различий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5(2): 37–67.
- Hutchinson J. 2005. Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 213 p.

References

- Bibikhin V.V. 2005. Vvedenie v filosofiyu prava [Introduction to the philosophy of law]. Moscow, IF RAN, 345 p.
- Borshchevskii G.A. 2023. Traditsionnye rossiiskie tsennosti: institutsional'nyi analiz [Traditional Russian values: an institutional analysis]. *Politiya*, 4(111): 62–93.
- Buzgalin A.V. 2014. Po tu storonu mul'tikul'turalizma. Futurizm kak snyatie konservatizma: v poiskakh al'ternativ mul'tikul'turalizmu [Beyond multiculturalism. Futurism as the removal of Conservatism: in search of alternatives to Multiculturalism]. *Svobodnaya mysl'*, 5: 5–20.
- Grei Dzh. 2003. Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Commemoration of the Enlightenment: Politics and Culture at the end of Modernity]. Moscow, Praksis, 366 p.
- Danilevskii N.YA. 2018. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Algoritm, 453 p.
- Denisova G.S., Serikov A.V. 2017. Formirovanie rossiiskoi grazhdanstvennosti sovremennoi molodezhi: o vozmozhnosti sinteza rossiiskoi identichnosti, patriotizma i grazhdanskoi avtonomii [Formation of Russian Citizenship among modern youth: on the possibility of Synthesizing Russian Identity, Patriotism and Civic autonomy]. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki*, 6: 73–82.
- Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. 2019. Garmonizatsiya globalizatsii na osnove predel'nykh dinamicheskikh i setevykh ravnesii [Harmonization of globalization based on extreme dynamic and network equilibria]. *Vek globalizatsii*, 1(29): 47–54.
- Kostina A.V. 2010. Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki [The relationship between tradition and creativity as the basis of socio-cultural dynamics]. Moscow, LIBROKOM, 144 p.
- Kostina A.V. 2006. Natsional'naya i ehtnicheskaya kul'tura: sootnoshenie v globaliziruyushchemsya mire [National and ethnic culture: the relationship in a globalizing world]. *Problemy filologii i kul'turologii*, 3: 128–139.
- Lapitskii M. 2002. Deyatel'nyi bez prinuzhdeniya. (Trudovaya ehtika v raznykh izmereniyakh) [Active without coercion. (Work ethic in different dimensions)]. Moscow, Novyi vek, 231 p.
- Letova N.V. 2024. Gosudarstvennaya zashchita traditsionnykh semeinykh tsennostei: problemy i osobennosti [State protection of traditional family values: problems and peculiarities]. *Pravo i praktika*, 2: 168–173.
- Safonov A.L., Orlov A.D. 2017. Ehtnos i globalizatsiya: ehtnokul'turnye mekhanizmy raspada sovremennykh natsii [Ethnicity and globalization: the ethnocultural mechanisms of the disintegration of modern nations]. SPb.: Liteo, 336 p.
- Sogomonov A.YU. 2004. Kul'turnaya asinkhronnost' i «vyvikhnutoe vremYA» (postanovka problemy «mul'timoral'nost'» sovremennogo obshchestva) [Cultural asynchrony and "dislocated time" (statement of the problem of "multimorality" of modern society)]. *Rossiia reformiruyushchayasya*, 4: 262–272.
- Cherkashin M.D. 2021. Virtual'naya real'nost' kak fenomen kul'tury: istoriya i sovremennost' [Virtual Reality as a cultural phenomenon: History and modernity]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*, 3(40): 33–37.
- Shvarts SH. 2008. Kul'turnye tsennostnyye orientatsii: priroda i sledstvie natsional'nykh razlichii [Cultural value orientations: the nature and consequence of national differences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*, 5(2): 37–67.
- Hutchinson J. 2005. Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 213 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2025

Поступила после рецензирования 19.05.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 19, 2025

Revised May 19, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор РАО, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Баклыкова Ирина Рашидовна, соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Russian Academy of Education, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

Irina R. Baklykova, External PhD Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.